

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 930

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-12-21

Междисциплинарная методология в исторических исследованиях: потребности и опыт применения

Ольга В. Павленко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pavlenko@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния исторической науки и акцентирует внимание на трансформации исследовательских подходов в российской и зарубежной историографии, расширении спектра используемых при проведении исследований методологий. В центре внимания статьи – значение комплексного подхода для современных исторических исследований, особенно затрагивающих сферу международных отношений. Комплексный подход позволяет наиболее подробно рассмотреть вопросы внешней и внутренней политики государства, макро- и микроистории, формирования коллективных идентичностей.

Ключевые слова: конструктивизм, структурализм, коллективная идентичность, исторические исследования, «великие дебаты», комплексный подход

Для цитирования: Павленко О.В. Междисциплинарная методология в исторических исследованиях: потребности и опыт применения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-12-21

Interdisciplinary methodology in historical research. Needs and experience of application

Olga V. Pavlenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
pavlenko@rggu.ru*

Abstract. The article analyzes the current state of historical scholarship and focuses on the transformation of research approaches in Russian and in-

© Павленко О.В., 2025

ternational historiography and the expanding range of methodologies used in research. It focuses on the importance of an integrated approach to modern historical research, particularly in the area of international relations. An integrated approach allows for a more comprehensive examination of the issues of foreign and domestic state policy, macro- and micro-history, and the formation of collective identities.

Keywords: constructivism, structuralism, collective identity, historical research, “great debates”, integrated approach

For citation: Pavlenko, O.V. (2025), “Interdisciplinary methodology in historical research. Needs and experience of application”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 12–21, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-12-21

Историческая наука сегодня все больше вызывает расхожую ассоциацию «плавильного котла», в котором формируется новое знание и понимание прошлого, более объемное и многомерное, чем создавали прежние научные школы.

Сдвиги происходят и в истории международных отношений, хотя российские исследования в большинстве своем отличаются приверженностью к традиционному стилю событийного описания, пристрастием к архивным документам, эмпирической точностью и детализацией. В то же время направления, которые ярко заявили о себе в 1980-е гг. в западной историографии, за последние десятилетия утвердились и в отечественных исследованиях. Социальная история, лингвистический поворот, синергетический и конструктивистский подходы с разной степенью успешности дали свои плоды на российской почве. Можно выделить несколько направлений, которые в современной российской историографии весьма успешно могут применяться в комплексных исследованиях по истории международных отношений.

Конструктивизм в истории международных отношений

Третья волна «великих дебатов» в западной историографии международных отношений подняла на пик интереса дискуссии о междисциплинарной парадигме исследования, более глубоком постижении взаимосвязей между объектами и предметами. В истории международных отношений все больше позиций отвоевывает направление, которое в англо-саксонской традиции называется «со-

циальный конструктивизм» или просто «конструктивизм» (в немецких и французских исследованиях) [Павленко 2015а, с. 53–67]. Конструктивисты выдвинули на первый план онтологическое понимание «международного мира» как социальной структуры, где все игроки действуют в соответствии с теми коллективными представлениями о себе и своих действиях во внешнем мире, которые сложились в их сообществах. Обоснованная одним из лидеров этого направления Александром Вендтом теория «актор – структура» акцентировала внимание на социальной мотивации поведения и интересов международных игроков [Onuf 1998, pp. 58–78; Spindler, Schieder 2003, pp. 7–10; Ulbert 2003, pp. 391–420; Wendt 1992, p. 394]¹.

Во французской школе международных исследований конструктивистский поворот был сразу органично воспринят [Soutou 2000, S. 42]. В американской историографии методы исследования международной реальности сначала сопровождались жаркими спорами со сторонниками «архивного» взгляда на историю международных отношений. Но уже в 1990-е гг. конструктивисты активно стали изучать роль классов, идеологии, политической культуры в их взаимосвязанности с внешней политикой [Hunt 2000, SS. 78–82].

Наибольшее распространение получила концепция трансформации мирового порядка, согласно которой исторические формы международных систем всегда обладали достаточным потенциалом устойчивости. Но крупные игроки (прежде всего великие державы), продвигая свои интересы, неизбежно входили в противоречия друг с другом, начинали ревизию и подрывали основы мирового порядка.

Все системы международных отношений создавали определенный набор ограничителей для сдерживания амбиций наиболее сильных игроков. Но никогда не существовало жестких правовых норм контроля над их действиями, поскольку это не соответствовало интересам ни одной великой державы. Возможности обходить ограничители всегда использовали великие, региональные и даже малые державы, используя негласные правила игры в диплома-

¹ Само понятие «конструктивизм» стало использоваться только со второй половины 1990-х гг. и было введено Николасом Онуфом (1989). В его определении конструктивизм формирует межсубъектное качество социального мира, раскрывает взаимосвязи между акторами и структурами, ставя во главу угла изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе.

тических коллизиях. Ключ к разгадке политического поведения игроков в мировой политике, по мнению конструктивистов, следует искать в социальной природе их интересов и идентичности [Wendt 1992, p. 394]. Такой подход позволяет высветить в новом свете роль насилия во внешней политике и ролевые функции таких понятий, как «друг», «враг», «соперник», «союзник» [Wendt 1987, pp. 335–370; Adler 2002, pp. 95–118; Checkel 1999, pp. 84–114].

Согласно конструктивистскому подходу, коллективная идентичность реализуется на микроуровне – «государство в себе» и «для себя», а также на макроуровне – миссия государства в мире. Если первый подразумевает общественно-государственные проекты, то второй – сложную систему внешних взаимодействий. Процесс восприятия «Других» чрезвычайно важен, потому что только при контактах с другими сообществами рождается понимание собственной уникальности и значимости. Исторический опыт взаимодействия с «Другими», смены фаз гуманитарных притяжений и отторжений в международных отношениях, слепки памяти о триумфах и поражениях, дружбе и предательстве – все эти контактные процессы во внешнем мире тысячами невидимых нитей связаны с глубинным пониманием собственного «Я» в масштабе национально-государственного социума.

Замечу, что конструктивистский подход не альтернативен позитивистскому отношению к источникам или реалистичному подходу к истории международных отношений. Просто он открывает больше возможностей для всестороннего изучения механизмов внешней политики, глубинных социокультурных кодов политического поведения различных игроков на международной арене. В этом ракурсе международная система предстает как совокупность социальных общностей, каждая из которых обладает собственной ценностной структурой и исторической индивидуальностью.

Комплексный подход к историческим явлениям

Необходимость новой междисциплинарной методологии остро ощущается не только в области интеллектуальной истории или международных исследований. Историк Б.Н. Миронов критически оценивает тенденцию к фрагментации и микроисследованиям в отечественной историографии и призывает к выработке комплексного подхода на основе междисциплинарного синтеза – «новой социальной истории» [Миронов 2014, с. 27]. Трудно согласиться с принижением значения микроисторических исследований. Без них невозможно понять во всей спонтанности и противоречивости

жизнь обычных людей с ее рутиной, эмоциями, восприятиями, формальными и неформальными ритуалами повседневности. Но важнее другое – поставлен вопрос о комплексной методологии как инструменте познания прошлого.

Действительно, историческая перспектива позволяет преодолеть наивное представление о том, что любое изменение есть новация в повседневном масштабе. Как соотнести современность и воображаемую реальность прошлого? Ведь настоящее приобретает особый смысл и значимость только при сопоставлении с прошлым. Современность создает свою историческую хронометрию и интерпретацию эпох. Русский философ И.А. Ильин писал о зависимости между «реальным» и «историческим временем», которое измеряется циклами политических обновлений. Отдельный интерес вызывает качество повторяемости.

Структуралистский подход с его причинно-следственными объяснениями позволяет выявить типологии в историческом развитии. Но описательные нарративы раскрывают лишь линейную последовательность событий: предпосылки – причины – ход действия – последствия. Для нас особый интерес представляют те масштабные исследования, авторы которых смогли применить комплексный подход, перешагнуть через барьеры жесткой хронометрии и по-новому осмыслить межсубъектное качество социального мира в «долгом XIX веке».

Фундаментальное исследование немецкого историка Юргена Остерхаммеля «Трансформация мира. История XIX века» стало настоящим прорывом в мировой историографии [Osterhammel 2009]². Он признает, что написал свой труд в полемике с книгой Кристофера Бейли «Рождение современного мира, 1780–1914 гг.: глобальные связи» [Bayly 2004]. Оба автора по-своему видят истоки глобализации и «вечные темы» XIX в. – колониализм, империализм, рождение наций модерна, геополитику империй.

По сути, книга Ю. Остерхаммеля – это контролируемая игра ассоциаций и аналогий на основе междисциплинарного синтеза. Но если К. Бейли интересовали прежде всего вопросы национализма и религии, то Ю. Остерхаммель создал масштабную панораму миграций, экономических циклов, трансформации пространств, империй, регионов. «Долгий XIX век» понимается в философско-историческом смысле, как многоуровневая социальная структура. Читатели погружаются в потоки времени, жизнь людей, обществ, национальных государств, империй, где локальные

² Первые пять изданий книга выдержала в 2009–2010 гг. Новое переработанное издание вышло в свет в 2011 г.

традиции постепенно и неотвратно вытеснялись нормативной универсализацией.

Во главу угла поставлено сравнительное изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе на уровне как региональных, так и глобальных коммуникаций. Критически оценивая стремление структуралистов везде находить «коды целостности», Остерхаммель выделяя непрерывные линии наиболее значимых процессов, пронизывающие XIX в. Для него важно описать изменения в их стихийном развитии, своеобразии – «изначальной неинтегрированности». Такой подход позволил сформировать новый взгляд на международный мир и повседневность XIX в.

Все знают, что это был век Европы. Соответственно, Ю. Остерхаммель пытался создать «наиболее европоцентричный» портрет эпохи, открывающий широкие возможности для сравнительных исследований в истории международных отношений [Osterhammel 2009, p. 16]. Особый интерес представляет VIII глава, где он сопоставляет империи и национальные государства, посвящая разделы не только дипломатии великих держав и империалистической экспансии, но и повседневности (тому, как жилось в империях). Эта глава логично связана со следующей – «Система великих держав, войны, интернационализмы», – в которой характеризуются пути развития мирового порядка. Выделены темы: роль войн и «мирная Европа»; отсутствие мира в Азии и Африке; внешнеполитические инструменты и «интеркультурное искусство»; интернационализмы и нормативная универсализация в имперских государствах.

Такой же масштаб видения XIX в. задан и в пятом томе российского издания «Всемирной истории» [Павленко 2015b, с. 257–262]. В первом разделе показаны те коренные изменения на протяжении всего XIX в. в организации экономики, государства, общества и политики, которые привели в движение гигантские массы капитала, товаров, услуг, миграционных потоков, вызвали демографический взрыв. Но приоритет был отдан темам о человеке. Ведь все глобальные преобразования влекли серьезные изменения в структурах повседневности. Авторы ставят важные вопросы. Как изменялось качество и стиль жизни людей в бурных потоках индустриализации? Как преобразилась роль женщин в обществе? Как политика, благодаря газетам, перестала быть привилегией аристократических гостиных и правительственных кабинетов, превратилась в массово растиражированное явление?

Настоящей удачей, на мой взгляд, можно считать раздел книги «Мир-система XIX века: империи и нации», где А.И. Миллер поставил методологический вопрос о «национализме имперских

наций» и необходимости преодоления в историографии противопоставления наций-государств империям [Миллер 2014, с. 246–263]. В страноведческих разделах этого фундаментального коллективного труда было показано, как имперские проекты взаимно дополняли и развивали локальные интересы национальных сообществ.

Третий раздел «Межгосударственные и международные отношения в XIX – начале XX века» воссоздает масштабную картину дипломатических отношений. Три главы, в соответствии с установившейся хронологией, последовательно описывают военно-дипломатическую историю и интересы держав от наполеоновских войн до революций 1848–1849 гг.; от Крымской войны до войны 1870–1871 гг. и провозглашения Германской империи; от наступления эпохи «реальной политики» до Первой мировой войны. В них подробно излагаются основные изменения, которые происходили в системе европейского равновесия, когда принцип монархической солидарности стал постепенно вытесняться «политикой интересов», соображениями прямой и ощутимой выгоды. Как подчеркивает автор раздела А.В. Ревякин, хотя «соотношение в силах основных держав изменилось, но их общий баланс, заметно поколебленный революциями и войнами 1848–1871 гг., несмотря ни на что, сохранялся». В то же время «грубая военная сила по-прежнему играла большую роль, чем право» [Ревякин 2014, с. 813–824]. Одновременно развивалась «политическая культура компромиссов». В целом этот раздел развивает лучшие традиции дипломатической истории в отечественной историографии, заложенные еще известным изданием «История дипломатии».

Вышеперечисленные российские и зарубежные издания заложили новый комплексный подход к осмыслению процессов и явлений «долгого XIX века». Историческая реальность анализируется в изменчивых пространственных и временных параметрах, во всей сложности и многомерности социальных систем. Сквозь призму этого подхода границы между внутренней и внешней политикой государств стираются. Высвечивается тесная взаимозависимость интересов элит и моделей коллективной идентичности, проектов укрепления власти с внешнеполитическими и экономическими стратегиями.

Литература

Миллер 2014 – Миллер А.И. Империя и нация в «долгом XIX веке» // Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. С. 246–263.

- Миронов 2014 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланов, 2014. 896 с.
- Павленко 2015a – *Павленко О.В.* Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 6 (149). С. 53–67.
- Павленко 2015b – *Павленко О.В.* [Рец.:] Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. 939 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 4 (81). С. 257–262.
- Ревякин 2014 – *Ревякин А.В.* Мировая политика последней трети XIX – начала XX в. // Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. С. 813–824.
- Adler 2002 – *Adler E.* Constructivism and international relations // Handbook of international relations / ed. by W. Carlsnaes, et al. L.: SAGE Publications, 2002. P. 95–118.
- Bayly 2004 – *Bayly C.A.* The birth of the modern world, 1780–1914: global connections and comparison. Oxford: Blackwell Publishers, 2004. 540 p. (Blackwell History of the World)
- Checkel 1999 – *Checkel J.T.* Norms, institutions, and national identity in contemporary Europe // International Studies Quarterly. 1999. Vol. 43. No. 1. P. 84–114.
- Hunt 2000 – *Hunt M.H.* Die lange Krise der amerikanischen Diplomatiegeschichte und ihr Ende // Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten / Hg. W. Loth, J. Osterhammel. München: Oldenbourg, 2000. S. 61–92.
- Onuf 1998 – *Onuf N.* Constructivism: a user's manual // International relations in a constructed world / ed. by V. Kubáľková et al. N.Y.: M.E. Sharpe, 1998. P. 58–78.
- Osterhammel 2009 – *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt: eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: Beck, 2009. 1568 S.
- Soutou 2000 – *Soutou G.-H.* Die französische Schule der Geschichte internationaler Beziehungen // Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten / Hg. W. Loth, J. Osterhammel. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000. S. 31–44.
- Spindler, Schieder 2003 – *Spindler M., Schieder S.* Theorie(n) in der Lehre von den internationalen Beziehungen // Theorien der internationalen Beziehungen / Hg. S. Schieder, M. Spindler. Opladen: Leske und Budrich, 2003. S. 7–34.
- Ulbert 2003 – *Ulbert C.* Sozialkonstruktivismus // Theorien der internationalen Beziehungen / Hg. S. Schieder, M. Spindler. Opladen: Leske und Budrich, 2003. S. 391–420.
- Wendt 1987 – *Wendt A.* The agent-structure problem in international relations theory // International Organization. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 335–370.
- Wendt 1992 – *Wendt A.* Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.

References

- Adler, E. (2002), "Constructivism and international relations", in Carlsnaes, W., ed, *Handbook of international relations*, SAGE Publications, London, UK, pp. 95–118.
- Bayly, C.A. (2004), *The birth of the modern world, 1780–1914: global connections and comparison*, Blackwell Publishers, Oxford, UK. (*Blackwell History of the World*)
- Checkel, J.T. (1999), "Norms, institutions, and national identity in contemporary Europe", *International Studies Quarterly*, vol. 43, no. 1, pp. 84–114.
- Hunt, M.H. (2000), "Die lange Krise der amerikanischen Diplomatiegeschichte und ihr Ende", in Loth, W. and Osterhammel, J., eds., *Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten*, Oldenbourg, München, Germany, pp. 61–92.
- Miller, A.I. (2014), "Empire and nation in the 'Long 19th century'", in Chubar'yan, A.O., ed., *Vsemirnaya istoriya* [World history], vol. 5, Nauka, Moscow, Russia, pp. 246–263.
- Mironov, B.N. (2014), *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity], vol. 1, Dmitrii Bulanov, Saint Petersburg, Russia.
- Onuf, N. (1998), "Constructivism: a user's manual", in Kubáľková, V., ed., *International relations in a constructed world*, M.E. Sharpe, New York, USA, pp. 58–78.
- Osterhammel, J. (2009), *Die Verwandlung der Welt: eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*, Beck, München, Germany.
- Pavlenko, O.V. (2015), "Constructivist approach to the international relations study: possibilities and limits", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, vol. 149, no. 6, pp. 53–67.
- Pavlenko, O.V. (2015), "[Review:] World history. In 6 vols. Vol. 5: The world in the 19th century: On the path to industrial civilization. Moscow: Nauks, 2014. 939 p. ", *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, vol. 81, no. 4, pp. 257–262.
- Revyakin, A.V. (2014), "World politics in the last third of the 19th – early 20th century], in Chubar'yan, A.O., ed., *Vsemirnaya istoriya* [World history], vol. 5, Nauka, Moscow, Russia, pp. 811–844.
- Soutou, G.-H. (2000), "Die französische Schule der Geschichte internationaler Beziehungen", in Loth, W. and Osterhammel, J., eds., *Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten*, Oldenbourg Wissenschaftsverlag, München, Germany, pp. 31–44.
- Spindler, M. and Schieder, S. (2003), "Theorie(n) in der Lehre von den internationalen Beziehungen", in Spindler, M. and Schieder, S., eds., *Theorien der internationalen Beziehungen*, Leske und Budrich, Opladen, Germany, pp. 7–34.
- Ulbert, C. (2003), "Sozialkonstruktivismus", in Spindler, M. and Schieder, S., eds., *Theorien der internationalen Beziehungen*, Leske und Budrich, Opladen, Germany, pp. 391–420.
- Wendt, A. (1987), "The agent-structure-problem in international relations theory", *International Organization*, vol. 41, no. 3, pp. 335–370.
- Wendt, A. (1992), "Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics", *International Organization*, vol. 46, no. 2, pp. 391–425.

Информация об авторе

Ольга В. Павленко, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; pavlenko@rggu.ru

Information about the author

Olga V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; pavlenko@rggu.ru